

Кирилл ТОЛМАЦКИЙ, рэппер:

«Я уже не Децл. Когда про меня говорят: мажор, богатенький Буратино — это на самом деле не так»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— И ты был пацаном, который...

— Который учился. Я всегда знал — если человек талантливый, ему нужно дать время побыть в тусе, и он нахватается. И пойдёт дальше, может быть — станет даже лучше, чем другие. Даже, может, во многом лучше. Поэтому шанс мне был дан, и так получилось, что я его ухватил.

— Ухватил, да. Но через четыре года. Почему?

— Первая причина — люди не готовы были воспринять то, что я делал на тот момент, потому что это слишком сильно навязывалось через телевизор. Я сейчас говорю про фирму «Медиастар», которая занималась моим пиларом. Которые бездумно пихали клипы везде, где только можно. Но я на них не в обиде — это было их дело. Просто будь я в тот момент немного постарше, я бы мог контролировать эти моменты. В дальнейшем распалась фирма, распалось всё, наша студия в «Останкино» закрылась, Валов прибежал к отцу просить десять тысяч отходных плюс торговую марку Bad B. В тот момент у нас была очень тяжёлая ситуация. И мы это восприняли как не очень правильный ход с его стороны. Не очень мужски он поступил. И, грубо говоря, послали его. После этого появилась студия в Сокольниках, где мы засели все вместе с вернувшимся к тому времени Лигалайзом (он на какое-то время исчез после записи альбома Bad B в Америке). Я на тот момент тусовался, был в творческом поиске, влюбился в девушку одну очень сильно. У меня началась, короче, семейная жизнь — бытовуха. При этом была работа в комплексе по поводу денег зарабатывался — я сам платил за квартиру, родители мне не помогали.

— Комплекс?

— Когда про меня говорят: мажор, богатенький Буратино — это на самом деле не так и никогда так не было. Из-за этого я самоутверждался, зарабатывал, жил с девушкой сам по себе. Я платил за квартиру, бензин, еду. Вроде расходы не особенные, но они вырастают в копейку. А в то время у меня концерты были раз в месяц, а потом, где-то на второй год, прекратились вообще. Меня это подстегивало. И меня очень спасала ганджа, ну и девушка, конечно же.

— Так вот, в связи с этим у меня были проблемы — мы с отцом долго не общались, с родителями вообще долгое время не виделся.

— Постой. В связи с чем? Из-за марихуаны?

— Не совсем. Они парились по поводу того, что я живу с девушкой, по поводу моей личной жизни. Считали, что рано еще. Ну и плюс мутки с ганджей (поиски марихуаны. — «Известия»), поскольку тема это опасная.

Потом был перелом в моей жизни, когда мы расстались. Ну, там серьезная тема. Там, короче... Ну, просто расстались. Я ушел, поскольку уже не мог... Очень сложно. Я был очень влюблен, а она нет.

Ну и после этого я начинаю загнул по телочкам и так далее, но при этом еще много пишу. Текстов шесть тогда написал. Один личный в аль-

бом не вошел. После расставания появилась песня «Сучки». Потом появилась песня «Любовь после любви». В промехуках — «Потабачим» и прочие.

Мужиков очень мало осталось. Телочки просто воют!

— Мне не нравится песня «Потабачим». Я считаю, что она проходная.

— Я считаю, что лучше такой продукт, чем, грубо говоря, какие-нибудь «дискотеки аварии».

— Ты гонишь. «Дискотека Авария» делает достаточно качественный продукт.

— Я не против. Может быть, у нас с тобой разные понятия о качестве. Но я не считаю это качественным продуктом и думаю, что эти люди пользуются недостаточно развитой здесь культурой, которая имеет достаточно серьезную основу. Ее нельзя перерабатывать в клоунаду. Хип-хоп и так далее... Они же на этом построили себе популярность.

— Они это делают поп-музыкой.

— Это называется... Ты знаешь, как это называется. Но мы отошли от темы. Я писал потихоньку альбом и в это время познакомился с Гришей (новый продюсер Децла Григорий Зорин, экс-продюсер Мясны. — «Известия»), который предложил мне написать альбомчик и по мере возможности выпустить его на хорошем лейбле. Писался он в течение трех с половиной лет, поэтому я вызывал саунд, тексты, все-все-все...

— Собственно, почему у тебе и задал первый вопрос интервью: и что ты хочешь этим альбомом сообщить людям?

— Я еще размышляю над этим.

— Как так? Это разве не сформулировано в текстах твоих?

— Не совсем. В песнях — ряд тем, которые должны быть рассказаны людям. Поскольку информация — это самое сильное оружие. И всегда нужно делиться информацией. Поскольку у меня эта информация есть, я с удовольствием...

— Какая информация?

— Любая. Вот сейчас конкретно мы говорим о духовной информации. Я готов дать ее людям. Я говорю им: будьте свободны, люди. Раз мы живем в демократическом государстве, дайте людям выбор. Одни пусть бухают, а другие пускай курят, поскольку я считаю, что курение...

— Понятно, Кирилл. Легалайз, видимо, это часть духовного послания...

— Это одна из тем. Вторая — я посмотрел на то, что происходит вокруг. Я и любил, и был разочарован, и вставал на путь истинный, и понимал, что по жизни нужно просто оставаться хорошим человеком. Который живет не только ради того, чтобы у него были хорошие дома, машины, холодильники, плееры, но чтобы у него еще что-то было в душе. Чтобы оставался он честным. И мужчины должны оставаться мужчинами, а женщины — женщинами. Инь, Ян — это должно сохраниться.

Потому что меня тема эта волнует, я прошу прощения, что сразу к ней так перехожу. Мужиков очень мало осталось. Телочки просто воют! Не знают, куда нормальные мужики, куда романтики делись?

Поэтому хочется просто дать пищу для размышлений. А моя пища для размышлений — это ганджа, так же как для многих других людей.

Кокаин — это сушеная, толченая сперма дьявола

— У тебя в голове, на мой взгляд, есть некоторый кавардак.

— Да.

— Ты говоришь, что ты крещеный, православный. И с другой стороны, ты говоришь, что придерживаешься эфипской православной церкви.

— Да.

— Но как так? Это же разные ветви православия?

— Она немного строже. Мне нравится эта церковь. Это не значит, что я должен в нее ходить, соблюдать посты и так далее. Мне просто нравится, как разложена история в этой религии. Потому что у каждой религии свой вариант истории.

— Хорошо. Скажи мне, а к другим наркотикам ты как относишься?

— Гашиш не люблю. Предпочитаю вкусно пахнущие шишки.

— Колеса, кокаин?

— Вообще ничего не употребляю кроме ганджи. Жесткий противник кокаина. Я считаю, что кокаин — это сушеная, толченая сперма дьявола. Буэ!

— Хорошо. Мы говорили о том, что ты еще не готов сформулировать свой меседж. Но вот что я понял, послушав альбом. Первое — ты любишь Москву.

— Официальный город!

— Второй пункт — ты за легализацию наркотиков.

— Нет! Только марихуаны. И скорее не за легализацию, а за декриминализацию.

— А третий пункт — лирика.

— Нет. И лирика, и философия, там много всего еще. Потом, реалии-шоу типа песни «Сучки».

— Вот, кстати, ты еще говорил недавно, что изменил свое отношение к женщинам.

— Да. Я им верить перестал. Я перестал доверять сучкам.

— И как ты живешь тогда? Не доверяя никому?

— Можно доверять только себе.

— То есть у тебя нет ни одного близкого человека?

— Нет. Только мама. Некоторым людям я слегка доверяю. Потому что не могу полностью довериться большому никому.

— То случилось из-за какой-то истории в твоей жизни?

— Может быть. Немало разочарований в жизни бывает. Но это не та тема, которую я готов обсуждать, — жизненные разочарования.

— Так в чем твоё послание-то? Который час уже тебя терзаю!

— Да я не готов еще!

— Как же не готов! Альбом — вот он! Песни — вот они!

— Альбом — это еще не конец жизни! Меседж человек формулирует на протяжении жизни. Я рассказал о том, что у меня произошло за три с лишним года. В этом альбоме то, к чему я пришел, плюс то, до чего допер, плюс то, что я видел, плюс то, о чем я думал, плюс то, что я хочу сделать. Плюс то, что я есть сейчас.

— Кирилл, это и есть меседж. Просто я хочу, чтобы ты сформулировал это словами для наших читателей. Альбом людям нужно еще послушать, а тут ты им можешь это рассказать. Хорошо. Оставим эту тему. Скажи, а вот ты с ниггерами реальными тусовался?

— А что для тебя реальные ниггеры?

— Братва черная, которая живет этой музыкой.

— У меня все было, старик.

— И как они тебя восприняли — юного белого рэппера из России?

— Было прикольно. Меня почему-то воспринимают очень позитивно там.

Я поэт-самоучка и никогда не углублялся во всяких русских национальных поэтов

— На альбоме ты написал: «Отец, мы потихоньку становимся друзьями». Как у вас сейчас складываются отношения?

— Два одинаковых человека, два плюса или минуса неизбежно приходят к конфронтации. А мы с отцом вообще одинаковые. У нас взгляды на жизнь одинаковые, просто мы в разное время родились. Но при этом он понимает, что я остался личностью, не стал мажором,

не потерялся, не заболел звездной болезнью, не стал ни пидором, ни наркоманом, а остался нормальным парнем, которого уважает куча народа. Что в принципе хорошо для семьи. Поскольку у семьи есть фамилия, и если бы я был плохим, это бы негативно сказалось на моей семье. Поэтому я не позволяю себе расслабляться в клубах, и вы не увидите меня в угаре, поскольку есть некий статус.

Прошло время — и отец сильно поменялся. Я тоже стал другим. Я живу один и потихонечку делаю свое дело, они увидели это и успокоились.

— Какие у тебя амбиции? Чего ты добиться хочешь?

— Мне сложно сказать пока, я знаю, что в ближайшее время наведу коннекты со всеми западными звездами хип-хоп-индустрии, рэги-индустрии и так далее. И буду развивать это здесь. Поскольку я видел это своими глазами, но я не могу передать словами, — это вибрация. Когда приезжаешь в Москву и видишь, что здесь это все в зародыше только, становится грустно. Поэтому я решил поехать туда, раз есть возможность и законнектиться со всеми, навести какие-то движения, отличные от тех, что были.

— Ты уверен в своих силах?

— А возьмем два моих английских трека, которые есть на альбоме, и дай послушать любому англоговорящему или любому черному из квартала Бруклина. Они скажут тебе, что такого никогда не слышали, что для них это — новое и что они будут это слушать. Потому что у них там сейчас много коммерции и сама суть хип-хопа теряется — застой некий. А суть хип-хопа — давать информацию, а не только про вечеринки рассказывать.

Поэтому я постараюсь собрать людей, которые меня там поймут, и сделать вместе что-то новое, отличающееся от того, что есть там и что есть здесь. Так я проверю свои силы. Если у меня получится, если меня там примут и я еще это притащу сюда, то это будет... В принципе это и есть моя цель сейчас.

— Почему ты хочешь сменить имя Децл на Le Truk?

— Потому что прошло четыре года — и я уже не Децл. Я понимаю, что я такой своеобразный артист. Похожих у нас на эстраде нет. Ни на эстраде, нигде.

Я считаю, что хип-хоп-артисты могут себе позволить поменять имя. Сейчас Децл постепенно станет ака Le Truk, а потом еще чем-то.

— Ты сейчас собираешься ехать в Америку. Каков план?

— Поеду на неделю, дней на десять на переговоры. Там меня познакомит с кем надо. Я там потусуюсь немножко, посмотрю на ситуацию, куплю музычки, послушаю тенденции, потому что сейчас действую немного вслепую — последний раз я там был в 2000 году. Потом вернусь сюда, соберусь с мыслями, позову народ — и ломанемся. Поскольку английских текстов у меня альбома на два уже есть. Мне английские тексты даются гораздо легче почему-то.

— Скажи, а ты поэзию любишь?

— Я поэт-самоучка и никогда не углублялся во всяких русских национальных поэтов.

— Много таких?

— Ты понимаешь, что в нашей стране с нашими законами за твои тексты, в которых пропагандируется марихуана, ты можешь сесть?

— Я не пропагандирую марихуану. Дело в свободе выбора. Я не знаю, почему марихуана запрещена в большинстве стран мира. И почему у нас в стране она попала в список тяжелейших химических наркотиков. Видимо, у этого есть политическая подоплека. Но я вижу, что происходит в нашей стране. Люди гибнут от алкоголя. Я считаю, что алкашка ведет к геноциду нации. Она ведет к полному отуплению мозга и отчуждению всего душевного. Приземляет тебя и не отпускает. Я не пью, поскольку я знаю, насколько плохо чувствует себя пьяный человек. Я не боюсь, в отличие от пьющих друзей.

— Ты говоришь, что ты не мажор, что ты изменился. Но для пареня из рабочего квартала, скажем, Перми твой опыт ничтожен.

— Я же не родился в Перми. Я же родился в Москве.

— Это я к тому, что ты, очевидно, не знаешь реальных проблем реальных людей.

— Я смотрю на проблемы Москвы. А все, что происходит здесь, все тенденции, они года через два-три-четыре дойдут туда.

— Москва — это отдельный мир. Страна живет по-дру-

гому. В стране людям не платят зарплату и пенсии.

— А там уровень жизни немножко другой. Не знаю... Каждый человек приспособляется жить там, где родился. А в общем если брать проблемы — они одни и те же. Там тоже бухают. Еще жестче, чем в Москве. Намного жестче. А почему? Потому что безысходка. Потому, что люди не хотят думать, что им делать дальше. Потому бухают и срут себе в штаны. А вот так, чтобы сделать усилие над собой... Потому что ты — личность. Ты пришел на эту Землю для того, чтобы что-то сделать. Поэтому каждый должен стремиться быть в чем-то круче других. Главное — не терять веры и не терять духа. Это ко всем относится: и к провинции, и к Москве. При этом не идти по головам...

— Хорошо. А что делать тем, кому уже за пятьдесят?

— Ими должно заниматься государство. Кроме того, я считаю, что если старики сами себе не могут помочь, дайте их детям чувствовать себя нормально, они помогут родителям.

— А ты ходил на выборы?

— Не ходил, потому что я не вижу кандидатуры.

— Проголосовал бы против всех.

— Я голосую за Бога.

— Бог не занимается распределением пенсий. Я к тому веду, что двадцатилетние не имеют привычки ходить в избирательные участки — все мои знакомые твоего возраста выборы проигнорировали. Кто же власть выбирать будет в этой стране?

— Система контролируется индустрией, она не контролируется людьми, которые голосуют. Поэтому я не хожу на выборы. Это Вавилон.

Вообще, я думал голосовать за Хакамаду. С одной стороны — независимый кандидат, с другой — женщина, а я вообще считаю, что у власти должны стоять женщины. Во всех странах мира. Только тогда воцарится согласие. Хотя вряд ли... В любом случае женщины лучше бы справились с этой работой. Потому что они выносливее.

— Думаю, все-таки не поэтому. А потому, что они детей рожают.

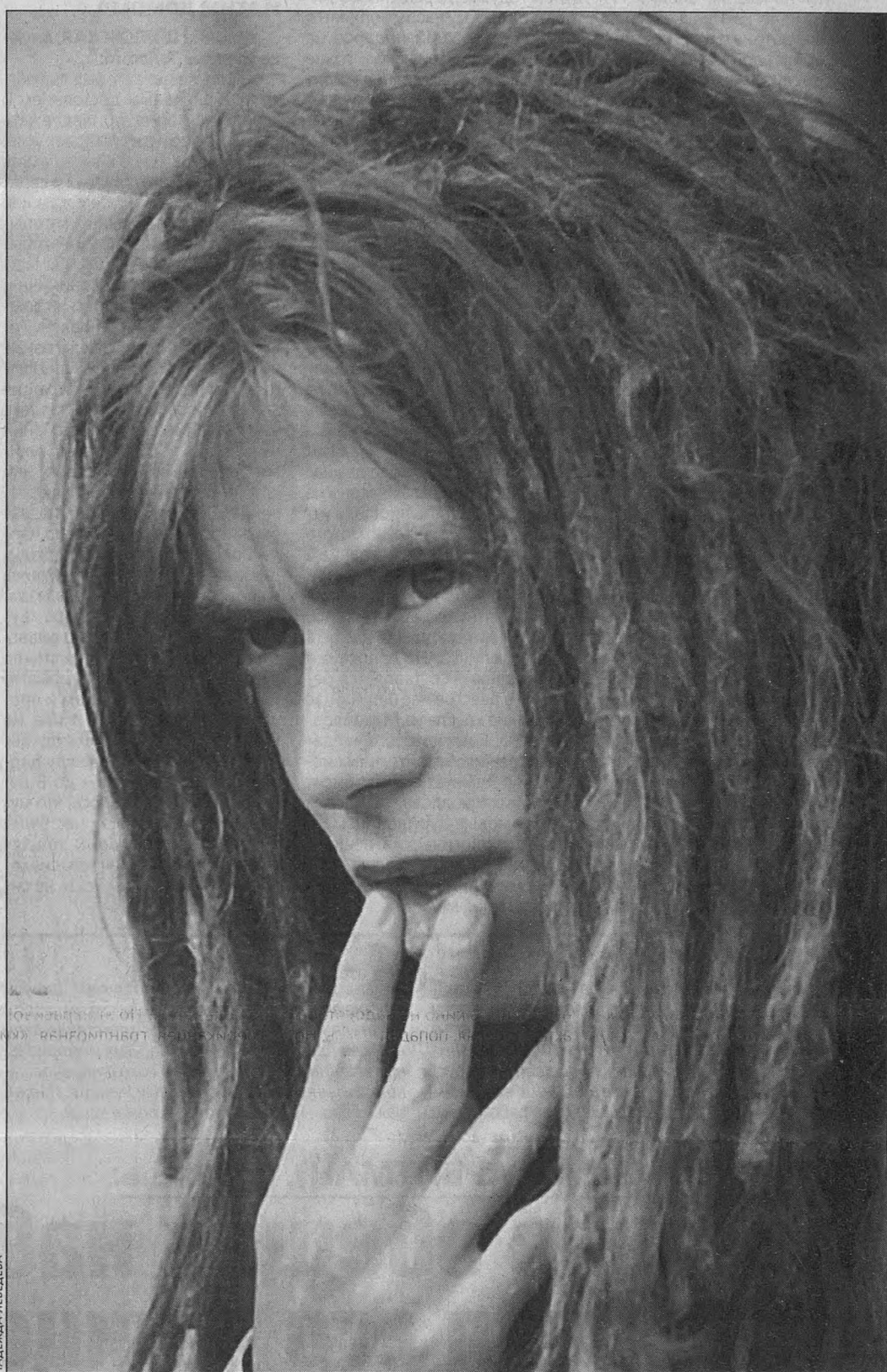
— Да. У них инстинкт самосохранения действует, а у мужиков — нет. Поэтому вопрос — за кого голосовать — он сложный. Пока не за кого.

— Кто тогда будет определять правила?

— Я сам для себя правила определяю. В принципе нет, я играю по правилам Господа Бога и не делаю ничего плохого. Я всегда оцениваю — вот что у меня произошло в жизни? Несчастье какое-то или неприятность — значит, я повел себя неправильно или что-то не так сделал. Во всем, что в жизни происходит, только я виноват. Поэтому я несу позитив и думаю, что со мной ничего не случится. Не найдется той злой силы, которая со мной справится, поскольку я духовно в десять-двадцать раз выше, чем любой взрослый человек, который считает, что я не прав.

— Родители тебя спасать, думаю, прихотилось. А тебе их?

— Спасать родителей? Наверное в тот момент, когда я родился, поскольку у них появился еще

НАДЕЖДА ПЕДЕВВА

— Много, но во всех случаях, пообщавшись со мной, они меняют точку зрения.

— Остался кто-то в твоей жизни, на кого ты хотел бы быть похожим?

— Отец. Это единственный человек, которому мне хочется подражать. Это мой единственный кумир. Он об этом не знает. Я с детства хотел быть похожим на него.

— А кем ты хотел стать в детстве?

— Бизнесменом. У нас вообще счастливая семья по формуле «мама, папа и я». Но по жизни очень много было испытаний, которые переворачивали мозг.

— Родители тебя спасать, думаю, прихотилось. А тебе их?

— Спасать родителей? Наверное в тот момент, когда я родился, поскольку у них появился еще

один ангел-хранитель. Так говорят, когда рождается ребенок и пока он растёт.

— А с бабушкой-дедушкой у тебя как?

— По материнской линии бабушка очень близкий мне человек. Она дала мне серьезное духовное воспитание, поскольку сама она из очень верующей семьи. Именно поэтому я не соблазнился на многие вещи, попав в шоу-бизнес. И я ей очень за это благодарен. А по папиной линии у меня бабушка учительница французского. Такая энергичная всегда была.

— Кроме английского и французского ты какие языки еще знаешь?

— Немного испанский. Я много языков знаю. Недели за две осваиваюсь и начинаю говорить, когда куда-то приезжаю.

— В школе у тебя какой любимый предмет был?

— Пожалуй, не было. Поскольку у меня всегда спорил с учителями.

— Доказывал, что Красное море не здесь, а вон там?

— Нет. На экономике нам преподавали теорию 1983 года. А я к тому времени все это не в теории, а уже на практике прошел. И понимал, как это работает. Теории из учебников после этого кажутся смешными. А в ответ слышал — нет, тебе нужно учиться по учебнику.

— Ты же, наверное, учился в хорошей школе?

— Много хороших школ, но везде одинаковые учителя. Очень редко попадаются хорошие педагоги, которые понимают тебя.

— А сейчас кто твой учитель?

— Жизнь, наверное.